

Жильцов С.С.,
*доктор политических наук, заведующий кафедрой
политологии и политической философии,
sergej-z71@yandex.ru,
Дипломатическая академия МИД РФ,
научный сотрудник лаборатории
комплексных исследований водных ресурсов,
Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва*

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анализируется ситуация в сфере использования водных ресурсов трансграничных рек, сложившаяся в Центральной Азии после распада СССР, когда был разрушен действующий ранее механизм взаимного учета интересов всех среднеазиатских республик. Особое внимание уделено факторам, влияющим на формирование и реализацию политики стран Центральной Азии в этой области. Соответствующие правовые документы центральноазиатских государств сопоставлены с международно-правовой базой регулирования конфликтных ситуаций в сфере водных ресурсов трансграничных рек. Проанализированы причины неудач в создании многостороннего механизма по разрешению спорных ситуаций, возникающих между центральноазиатскими странами при использовании водных ресурсов трансграничных рек.

Ключевые слова: *водные ресурсы, вододеление, трансграничные реки, Центральная Азия, гидроэнергетика, экология.*

Большая часть используемой в регионе воды берется из двух главных рек – Сырдарья и Амударья, которые формируются в горах Памира и Тянь-Шаня. Сырдарья течет из Киргизии через Таджикистан в Узбекистан (в том числе через густонаселенную Ферганскую долину) и Казахстан, Амударья – из Таджикистана в Узбекистан и Туркменистан. Водные ресурсы Сырдарья, среднемноголетней сток которой равен 37 км³, распределяются следующим образом: 74% приходится на Киргизию, 14% на Узбекистан, 9% на Казахстан и 3% на Таджикистан. Более 80% стока Амударья, среднемноголетней сток которой равен 78 км³, формируется на территории Таджикистана, 6% на территории Узбекистана, 2,4% в Киргизии, 3,5% в Туркменистана (с Ираном) и 7,9% в Афганистане.

В Советском Союзе вопрос о формировании и реализации самостоятельной политики республиками Средней Азии практически не стоял. Проблема распределения и использования водных ресурсов централизованно решалась министерством водного хозяйства СССР, исходя из единого плана развития региональной экономики и сельского хозяйства. Советская система межреспубликанских водных отношений, основывавшаяся на лимитах вододеления между ними и балансе договорных обязательств между республиками и союзным центром. Регулирование речного стока трансграничных рек было направлено на сбалансированное экономическое развитие всех пяти среднеазиатских республик, сочетающих выработку электроэнергии и развитие аграрного сектора экономики [1, с. 50–51]. Критерием работы водохранилищ была максимальная общая выгода [2, с. 3].

Образование новых независимых государств в Центральной Азии вызвало к жизни вопрос о собственности на воду, так как она наряду с другими ресурсами оказалась по разные «стороны» государственных границ. Дефицит воды и стремление каждого из государств использовать их с максимальной интенсивностью и исключительно в собственных интересах обостряет ситуацию в регионе, в том числе и в области экологии. Принимая во внимание высокий уровень рождаемости и безработицы в Центральной Азии, водная проблема превратилась в серьезный фактор дестабилизации региона [3].

Распад СССР стал распадом системы «общего котла». В этой системе для новых независимых стран Центральной Азии наиболее сложным оказалась проблема вододеления [4, с. 49–62]. Рухнувшая в одночасье советская система привела к взаимным неурегулированным претензиям. Они касались, прежде всего, определения объемов водозаборов в условиях рыночной экономики, ослабления инвестиционных потоков в сектор водопотребления, изменения режима работы крупных водохранилищ (перевод из ирригационных в энергетический) и других вопросов. Так, стремление увеличить производство гидроэнергии странами верхнего течения вошло в противоречие с интересами стран нижнего течения, чья ирригационная политика требует иного подхода к использованию водных ресурсов. Подобные нестыковки и расхождения интересов в использовании водно-энергетических ресурсов обострило ситуацию в регионе и между отдельными странами и негативно сказалось на межгосударственных отношениях в регионе.

Основной причиной обострения отношений между странами верхнего

течения (Таджикистан, Киргизия) и нижнего течения (Казахстан, Туркменистан, Узбекистан) трансграничных рек выступает режим водостока. Казахстан и Узбекистан являются наиболее промышленно развитыми странами, располагают крупными запасами нефти, газа и другими ресурсами. Эти страны имеют наибольшую численность населения среди государств региона. Располагаясь в нижнем течении, они находятся в сильной зависимости от «верхних» стран: Киргизии и Таджикистана, которые наиболее обеспечены водными ресурсами и фактически контролируют основные водотоки Амударьи и Сырдарьи, главных водных артерий Центральной Азии.

Водные ресурсы превратились в источник потенциальных социально-политических, этнонациональных и межгосударственных конфликтов. Это связано с расхождением политики стран, расположенных в верхней и нижней части течения трансграничных рек. Таджикистан и Киргизия (по разным оценкам контролируют 80% всех запасов поверхностных вод в регионе), обладая значительными водными ресурсами, для выработки электроэнергии спускают воду не только в летний, но и в зимний период. Построенные в советское время в верховьях Амударьи и Сырдарьи водохранилища позволяют регулировать сток, поступающий в страны расположенные в низовьях. В результате, имея столь мощный «рычаг» влияния, Киргизия и Таджикистан получают возможность влиять на сопредельные страны – Казахстан, Узбекистан и Туркменистан.

На политику стран Центральной Азии большое влияние оказывает изменение климата. Маловодные годы все чаще посещают Центральную Азию и в обозримом будущем могут стать нормой. За последние 50 лет площадь ледников – источников питания Амударьи и Сырдарьи уменьшилась почти на 40%, что значительно сократило объем их стока. По прогнозам население республик Центральной Азии к 2025 году увеличится, что потребует дополнительных объемов водных ресурсов.

Провозгласив независимость и взяв курс на построение рыночных государств, страны Центральной Азии приступили к проведению самостоятельной политики в области контроля и распределения водных ресурсов. На первое место вышли собственные планы использования водно-энергетических ресурсов. Каждое из государств Центральной Азии при осуществлении политики в сфере управления водными ресурсами стало преследовать национальные интересы, мало заботясь о том, как они соотносятся с интересами соседей и влияют на ситуацию в регионе в целом.

Огромное влияние оказывают факторы, связанные с их экономическим развитием и социальными процессами. Ключевой проблемой для Центральной Азии остается демографическая ситуация. Рост численности населения при дефиците воды провоцирует страны на разногласия, усиливая соперничество между государствами региона.

Водные ресурсы в странах Центральной Азии являются одним из основных факторов, определяющих состояние большинства отраслей экономики и, в первую очередь, сельского хозяйства. Дефицит воды и снижение качества речного стока осложняют решение социально-экономических и экологических проблем. Строительство гидротехнических объектов оказывает огромное влияние на экологию [5, с. 80]. По этой причине, вопрос стабильного доступа к водным ресурсам стал одним из приоритетных для стран региона.

В этом районе мира практически исчерпаны все резервы водообеспечения. По разным оценкам ежегодный объем речных водных ресурсов в регионе определяется порядка 120 км³, что обеспечивается двумя крупнейшими реками региона Амударьей и Сырдарьей, формирующихся из ледников и снега в горах Киргизии и Таджикистана. Между тем, сток Амударьи зарегулирован на 96%, а Сырдарьи – более чем на 85%. При этом подавляющий объем водных ресурсов тратится на нужды ирригации.

После обретения независимости страны Центральной Азии стали самостоятельно распоряжаться водными ресурсами трансграничных рек. При этом, в отношениях между собой страны региона первоначально пытались воспользоваться опытом, который был накоплен в период Советского Союза. Важнейшим политическим шагом стала инициатива первых лиц национальных водохозяйственных ведомств государств Центральной Азии в октябре 1991 года. Она нашла отражение в Ташкентском заявлении, которое стало отправной точкой переговорного процесса между центрально-азиатскими государствами в сфере использования водных ресурсов трансграничных рек. В заявлении речь шла о совместном использовании водных ресурсов на общих принципах, с учетом интересов всех сторон [6, с. 31–42]. В развитие итогов встречи в Ташкенте 18 февраля 1992 года в Алматы (Казахстан) было подписано межправительственное соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» и соглашение о создании Межгосударственной координационной водохозяйственной комис-

сии (МКВК). Страны региона подтвердили свои позиции сохранить действовавший режим управления водными ресурсами бассейнов Амударьи и Сырдарьи и придерживаться сложившихся подходов к разделу трансграничных водных ресурсов. Речь шла о протоколе № 413 Научно-технического совета Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР по Сырдарье, подписанного в феврале 1984 года и протоколе № 566 Научно-технического совета Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР по Амударье, подписанному в сентябре 1987 года. Данные документы предусматривали годовое распределение воды между странами бассейна Аральского моря, хотя сезонное распределение в них учтено не было [7, с. 140–153].

Очень скоро выяснилось, что договора и соглашения, заключенные в советский период, не соответствуют политике, реализуемой странами верховья трансграничных рек. Наиболее остро межгосударственные противоречия проявились в отношении режимов водопользования в бассейне реки Сырдарья, в водохранилищах Нарын-Сырдарьинского каскада, прежде всего, Токтогульского [8, с. 68]. В советское время сток Сырдарьи регулировался водохранилищами Нарын-Сырдарьинского каскада, в первую очередь Токтогульским, в режиме, который был направлен на орошение в Казахстане и Узбекистане.

Впервые симптомы конфликтности проявились в 1993 году, когда Узбекистан за долги оставил Киргизию без газа. В ответ Бишкек осуществил сброс из Токтогульского водохранилища [9, с. 68–88]. Изменение графика работы Токтогульского водохранилища Киргизия объяснила необходимостью производства электроэнергии в зимний период и накопления ее в летний период. К изменению политики Киргизии в сфере использования водных ресурсов подталкивали объективные факторы: разрыв экономических связей в рамках региона, увеличение стоимости углеводородных ресурсов. В результате Киргизия, как и Таджикистан, столкнулись с энергетическим кризисом, который усиливал их заинтересованность в одностороннем порядке изменить режим работы водохранилищ и использованию водных ресурсов исключительно в собственных интересах.

После 1993 года, режим работы Токтогульского каскада был изменен. Вода летом стала накапливаться, а зимой спускаться. Данное изменение было продиктовано заинтересованностью Киргизии осуществлять производство электроэнергии в зимний период. Несмотря на расхождение интересов,

в 1993 году страны Центральной Азии вновь попытались устранить разногласия по вопросу водodelения и совместного использования водных ресурсов. Было принято «Соглашение о сотрудничестве в сфере совместного управления, использования и охраны водных ресурсов межгосударственных источников». Однако этот документ также оказался не работающим.

В 1995 году страны Центральной Азии сделали очередную попытку решить спорные вопросы в сфере водных ресурсов, приняв Нукусскую декларацию. В ней была отмечена важность ранее подписанных соглашений, регулирующих отношения в сфере водных ресурсов. Страны региона подтвердили приверженность принципу использования водных ресурсов в интересах всех государств. Затем было принято еще несколько документов, но и они не решили конфликты между странами Центральной Азии.

В 1998 году было заключено соглашение между Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном «Об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарья». Таджикистан присоединился к документу в 1999 году. Данный документ имел рамочный характер, хотя в нем были зафиксированы принципы компенсаций. При этом в нем не был описан экономический механизм взаимоотношений между гидроэнергетикой и ирригацией [10, с. 59–72]. В итоге, страны нижнего течения летом, в период наибольшей потребности в воде, стали испытывать ее дефицит, а зимой – сталкиваться с подтоплениями и затоплениями водохозяйственных объектов.

Принимаемые документы не способствовали решению проблемы распределения водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии, поскольку не были подкреплены практическими механизмами компенсаций. Страны нижнего течения не готовы были компенсировать потери от изменения режима работы водохранилищ странам верхнего течения. Более того, каждое из государств региона рассчитывало самостоятельно решить возникающие проблемы в сфере водных ресурсов и через давление на соседей добиться положительного для себя результата. Фактически речь шла о конфликте национальных программ развития всех центрально-азиатских государств [11, с. 29]. В результате, между Туркменистаном и Узбекистаном, Киргизией и Таджикистаном, Казахстаном и Киргизией периодически обострялись отношения по вопросу использования водных ресурсов трансграничных рек.

Причины конфликтных ситуаций между странами региона в сфере водных ресурсов трансграничных рек следует искать, в том числе, в поло-

жениях, которые отражены в национальных законодательствах. основополагающие документы центрально-азиатских стран четко позиционируют воду в качестве ресурса, принадлежащего государству. Так, в Водном кодексе Казахстана (статья 8), принятом в июле 2003 года говорится об исключительной собственности государства на водные ресурсы. Аналогичное положение содержится в законе Киргизии «О воде» (статья 5), принятом в январе 1994 года. В Водном кодексе Таджикистана (статья 4), принятом в декабре 1993 года, водные ресурсы рассматриваются в качестве исключительной собственности государства. В Законе Узбекистана «О воде и водопользовании» (статья 3), принятом в мае 1993 года, говорится о принадлежности государству водных ресурсов. Схожая позиция отражена в Водном кодексе Туркменистана, принятом в июне 1993 года. Данные документы в последствии дополнялись и уточнялись, однако главный тезис в них оставался неизменным – водные ресурсы являются исключительной собственностью государства, которое по своему усмотрению регулирует их использование.

Особенно четко данный подход проявился у стран верхнего течения, которые стали отстаивать позицию о единоличном владении водными ресурсами. В 2001 году в Киргизии был принят закон «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсах и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики». В указанном документе подчеркивались права страны на водные ресурсы и водохозяйственные объекты в пределах границ государства, а кроме того, отмечалось, что вода имеет стоимость. Схожую позицию занимал Таджикистан.

Страны региона придерживались собственных представлений относительно использования водных ресурсов трансграничных рек. Более того, во многих внутригосударственных законах стран Центральной Азии, двусторонних и многосторонних соглашениях отсутствует определение «трансграничные реки». В основном используются термины «водный ресурс», «водно-энергетический ресурс» и т.п. Подобный подход противоречит положениям международного права, в котором рассматриваются вопросы трансграничных водных ресурсов и порождает значительные трудности в использовании международного законодательства [12, с. 140–153].

Центрально-азиатские государства, за исключением Казахстана, не ратифицировали международные документы и в реализации своей политики в отношении водных ресурсов трансграничных рек продолжают ориенти-

роваться на достижение двусторонних договоренностей. Недостаточно четкое понимание и весьма слабое применение государствами Центральной Азии принципов и норм международного права в области использования и охраны трансграничных ресурсов являлось одним из сдерживающих факторов в решении существующих в регионе проблем [13, с. 226–244].

Заключение

Межправительственные соглашения, призванные регулировать использование водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии, не сняли с повестки дня проблему. Соответственно, выработка механизма, учитывающего интересы всех стран Центральной Азии в использовании водно-энергетического потенциала, остается в числе приоритетов центрально-азиатских государств.

Несмотря на договоренности, которые страны региона периодически достигают, по-прежнему нет механизма совместного управления водными ресурсами. Основными барьерами, препятствующими принятию действенных мер, направленных на интегрированное управление водно-энергетическим комплексом, являются противоречия в подходах к решению водных проблем. Отсутствие четкого законодательства регулирующего использование гидро-ресурсов трансграничных рек также затрудняет поиск взаимовыгодных решений. Страны Центральной Азии испытывают значительные трудности в сопоставлении топливно-энергетических ресурсов и водных ресурсов, которые каждая из стран региона пока еще предлагает обменивать [14, с. 13–18].

Отсутствие эффективного механизма распределения воды, управления водопользованием и разрешения конфликтов, низкий уровень обмена информацией по вопросам качества воды и ее использования являются препятствиями для регионального сотрудничества в области использования водных ресурсов. Более того, прибрежные страны пытаются разделить выгоды от доступа к воде, а не саму воду, что ведет к осложнению совместного использования трансграничных рек и одновременно оказывает негативное влияние на экологию стран Центральной Азии [15, с. 4–8].

Список используемых источников

1. Сарсембеков Т., Мироненков А. Два в одном: можно ли разделить воду и гидроэнергию /Мировая энергетика. 2007. № 8.
2. Гриняев С.Н., Фомин А.Н. Актуальные вопросы применения механизма биржевой торговли для решения водно-энергетических проблем стран

Центральной Азии. Аналитический доклад. М.: Центр стратегических оценок и прогнозов. 2009.

3. Жильцов С.С. Постсоветское пространство: тенденции развития. М. Эдель-М. 2001.

4. Жильцов С.С., Зонн И.С. Борьба за воду //Индекс безопасности. 2008. № 3.

5. Борисова Е.А. Водные и энергетические ресурсы «Большой» Центральной Азии. М.: ЛЕНАНД. 2015.

6. Пикулина М.Л. Проблема трансграничных водных ресурсов в Центральной Азии // Казахстан Спектр. 2013. № 1.

7. Искандархонова Б.А. Правовое регулирование использования трансграничных рек в Центральной Азии /Московский журнал международного права. 2007. № 3.

8. Кузьмина Е.М. Геополитика Центральной Азии. М.: Наука. 2007.

9. Гусейнов В., Гончаренко А. Водные ресурсы ЦАР /Центральная Азия. Геополитика и экономика региона. М. Красная звезда. 2010.

10. Петров Г. Конфликт интересов между гидроэнергетикой и ирригацией в Центральной Азии. Его причины и пути преодоления // Центральная Азия и Кавказ. 2010. № 3.

11. Боришполец К.П. Вода как *perpetuum Mobile* центрально-азиатской политики // Вестник Московского университета. Сер. 12 Политические науки. № 5. 2010.

12. Искандархонова Б.А. Правовое регулирование использования трансграничных рек в Центральной Азии /Московский журнал международного права. 2007. № 3.

13. Аманжолов Ж.М. Многосторонние международные договоры в обеспечении водной безопасности в Центральной Азии // Московский журнал международного права. 2007. № 4.

14. Ауелбаев Б., Ержанов Т. Политика стран Центральной Азии и водно-энергетические проблемы региона. //Analytic (Казахстан). № 3. 2009.

15. Нысанбаев Е.Н., Медеу А.Р., Турсунова А.А. Водные ресурсы Центральной Азии: вызовы и угрозы, проблемы использования / Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной подведению итогов объявленного ООН десятилетия «Вода для жизни». Г. Алматы, Казахстан, 22–24 сентября 2016 г. Алматы. 2016. Кн. 1. Институт географии.

Zhiltsov S.S.

TRANSBOUNDARY WATER RESOURCES OF CENTRAL ASIA: ECOLOGICAL ASPECT

This article analyzes the situation regarding the water resources of the transboundary rivers that developed in Central Asia after the collapse of the Soviet Union when the previous mechanism of mutual account of the interests of all the Central Asian republics broke down. Particular attention is given to studying the factors that have an impact on the formation and implementation of Central Asian politics regarding water use. A comparison is made of the international legal base that regulates conflicts involving the water resources of transboundary rivers and the legal documents of the Central Asian states. The paper analyzes the reasons for the failure to create a multisided mechanism for resolving the disputes that arise among the Central Asian countries with respect to water use of the transboundary rivers.

Keywords: *water resources, water apportioning, transboundary rivers, Central Asia, hydropower, ecology.*

УДК 502.3

Зонн И.С.,

*доктор географических наук, научный сотрудник
лаборатории комплексных исследований водных ресурсов,
Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва*

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕГРАДАЦИЯ АРАЛЬСКОГО МОРЯ

Аральское море умирает. В 1960 г. уровень моря был на отметке 53 м. К 2015 г. уровень упал до 26 м. В настоящее время на месте бывшего Арала существует два моря – Большой и Малый Арал. Высыхание и исчезновение Аральского моря явилось результатом деятельности человека. Вот уже более 30 лет проблема Арала привлекает к себе внимание ученых и мировой общественности.

Ключевые слова: *Аральское море, экология, «горячие точки», мировое наследие.*

Арал погибал не в одночасье, но и не в течение нескольких веков. Этот процесс длился 40–50 лет. Дискуссии о том, стоит ли использовать его морские воды, длились несколько дольше (около 160 лет), чем сам процесс гибели. В 1908 году русский климатолог, географ А.И. Воейков впервые заговорил об использовании вод Арала для «полезных» целей (для целей, соответствующих потребностям Российской Империи). Через двадцать лет